

И.К. Капульцевич

*аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ C-NUDGE МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается роль культуры в экономическом развитии с позиции институциональной экономической школы, где культура определяется как совокупность ценностей и поведенческих установок, а гарантом выступает любой член общества. Понимание культуры в качестве неформального института позволяет органично включить её в качестве компонента институциональных реформ, где изменению подвержены неформальные правила. Анализируя новейшие теоретические и эмпирические работы в этой области, автор операционализирует культурную трансформацию как самостоятельный инструмент институционального проектирования. Описываются два основных направления культурных реформ: снижение транзакционных издержек, улучшающих координацию, и повышение эффективности формальных правил. Теоретическими базисами статьи выступают работы, посвящённые норм-наджингу и анализу влияния плотности норм на результаты реформ. На основе институциональной теории и междисциплинарных исследований норм и ценностей формируется набор инструментов культурной трансформации, предлагается их классификация и механизм выбора, основанные на каналах трансмиссии норм и уровнях социального взаимодействия. Отдельно рассматриваются потенциальные сбои в проектировании культурных реформ и предлагаются механизмы их предотвращения. Предложен новаторский метод поэтапного изменения ценностей и поведенческих установок, в основе которого лежит плотность норм в качестве дизайнерского параметра культурного проектирования. Автор формирует не только теоретические рамки подхода, но и разрабатывает методологические основы для эмпирической оценки результатов реформирования норм. Обосновываются выбор подсистем для культурных изменений и параметры плотности норм. В статье разрабатывается индекс плотности норм как основной параметр методологии культурного проектирования. Особое внимание в статье уделяется рискам и возможным ограничениям, а также прикладным возможностям C-NUDGE моделирования. Результаты адресованы дизайнерам реформ, государственным служащим и исследователям социокультурной экономики.

Ключевые слова: институциональные реформы, культурная трансформация, неформальные институты, социальные нормы, индекс плотности норм, норм-наджинг, C-NUDGE.

JEL: B25, E02, E71, Z10

УДК: 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_39_53

© И.К. Капульцевич, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Капульцевич И.К. Культурная трансформация как объект институционального проектирования: теоретические основы и эмпирические возможности C-Nudge моделирования // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 39–53. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_39_53.

FOR CITATION: Kapultsevich I. Cultural Transformation as an Object of Institutional Design: Theoretical Foundations and Empirical Possibilities of C-Nudge Modeling // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 39–53. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_39_53.

Введение

Проблема «эффекта колеи» или зависимости от предшествующего развития подталкивает развивающиеся экономики к поиску неклассических инструментов экономического развития. Ключевой проблемой при проектировании реформ становится неэффективное функционирование формальных институтов, которое объясняется их несовместимостью с локальной социокультурной средой.

За последние десятилетия накоплены теоретические и эмпирические свидетельства влияния отдельных культурных факторов (доверие, семейные узлы, культурные индексы) на экономическое развитие. При этом культура в большинстве работ рассматривается как ограничение или фон, а не как полноценный инструмент институционального дизайна. Цель настоящей статьи — предложить системную рамку культурной трансформации как набора управляемых механизмов изменения ценностей и поведенческих установок, повышающих эффективность реформ.

Теоретической основой статьи, опирающейся на институциональную теорию, выступают работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные социальным нормам, обоснованию культуры в качестве неформального института и проблеме культурной плотности. Я выступаю с позиции, согласно которой культурная трансформация — разновидность институциональной, а культура — ключевой упущенный элемент реформ.

Теоретические рамки

В рамках институционального анализа культура рассматривается как совокупность неформальных институтов, набор неформальных правил (ценностей и поведенческих установок), эффективность которых поддерживается санкциями со стороны гаранта, которым выступает любой член общества [Аузан, Никишина, 2021]. Принимая во внимание классический подход, согласно которому изменение хотя бы одного элемента правила образует институциональную трансформацию, ситуацию изменения неформальных правил можно назвать культурной трансформацией.

Таким образом, культурная трансформация определяется как целенаправленное изменение неформальных институтов, реализуемое через воздействие на ценности и/или поведенческие установки индивидов и приводящее к трансформации институциональной среды, в которой функционируют данные индивиды [Капulyцевич, 2024].

Культурные изменения имеют двойственное воздействие на экономическое развитие: прямое — через снижение неопределённости и трансакционных издержек в координации, и косвенное — через повышение эффективности формальных институтов [Alesina, Giuliano, 2015]. Выделяются два основных канала трансмиссии культурных норм: вертикальный, который реализуется через передачу установок и ценностей внутри семьи от родителей к детям, и горизонтальный, где социокультурные нормы приобретаются индивидом в процессе его социализации [Bisin, Verdier, 2000]. Исследования показывают значимость структуры норм и распределение допусков девиаций, которые я предлагаю рассматривать как плотность социальных норм [Gelfand et al., 2011. P. 1100; Dimant, 2023]. Автор доказывает, что «тесные» нормы обеспечивают координацию и безопасность ценой снижения разнообразия, тогда как «рыхлые» повышают гибкость и инновационность [Gelfand et al., 2011]. Недавние эмпирические работы определяют количественные показатели, позволяющие измерять этот параметр на индивидуальном, организационном и национальном уровнях [Sun, Zhang, 2023]. В прикладных исследованиях плотность рассматривается в соотношении с правоприменением и реакцией на раздражители, что делает её удобным дизайнерским параметром для институциональных реформ, требующих соблюдения баланса между предсказуемостью изменений и их экспериментальностью [Gelfand et al., 2011; Dimant, 2023; Gelfand, 2018].

Наконец, за последние годы накоплены свидетельства зависимости изменений социокультурных норм от контекста, типа сообщения и установок аудитории, что предполагает точное определение выборки и комбинированные подходы к изменению ценностей [Lewandowsky et al., 2022; Papakonstantinou et al., 2025]. Важными для целей работы представляются исследования о норм-наджинге, которые восходят к теории нормативного поведения, согласно которой люди ориентируются и на то, что делают другие, и на то, что одобряется [Cialdini, Kallgren., Reno, 1990]. Есть свидетельства об эффективности динамических норм («всё больше людей делает это»), которые повышают принятие нововведений [Sparkman, Walton, 2017]. Подталкивание к нормам требует от разработчиков политики институциональных изменений определить конкретную социальную норму, которая будет подвергнута изменению, адаптировать нормативную информацию к конкретному социокультурному контексту и быть готовым к непредсказуемым последствиям для оперативной корректировки культурных изменений [Bicchieri, Dimant, 2023]. Как показывают более ранние исследования, норм-наджинг при реализации обязательно требует этической калибровки и А/В-оценки результатов [Thaler, Sunstein, 2008].

Работы Э. Остром и её последователей показывают, что устойчивость правил коллективного действия достигается не только за счёт формальных санкций, но и за счёт встраивания локальных норм и механизмов мониторинга в архитектуру институтов [Ostrom, 2005]. В прикладной экономике развитие получили экспериментальные и квазиэкспериментальные подходы к институциональным изменениям, прежде всего в рамках программ по борьбе с бедностью, где эксперименты позволяют проверять и оценивать изменения норм поведения и социальные сигналы [Banerjee, Duflo, 2011; Banerjee, Duflo, 2019]. Этот блок литературы важен для нашей задачи, поскольку показывает, что нормы могут быть объектом целевого воздействия, такие воздействия поддаются А/В-оценке, а дизайн коммуникаций и учёт локального контекста критичны для результата. Наконец, в урбанистике и исследованиях локальных сообществ накоплены примеры городских лабораторий и поведенческих интервенций (управление отходами, транспортное поведение, безопасность), фактически реализующих мезоуровневые культурные трансформации через комбинацию вертикальных и горизонтальных каналов [Evans, 2002; Broto, Bulkeley, 2013].

Как справедливо отмечал Д. Норт, институциональная среда задаётся не только формальными правилами, но и системой неформальных ограничений, которые обеспечивают фактическую предсказуемость взаимодействий и снижают издержки контроля. Именно несовпадение импортированных формальных правил с укоренёнными неформальными нормами и порождает описанную им институциональную неустойчивость и эффект зависимости от предшествующего развития [North, 1990; North, 2005]. В этом смысле предлагаемый в следующих разделах статьи подход можно интерпретировать как попытку целенаправленной калибровки неформальных ограничений (ценностей, поведенческих установок, санкций со стороны любого члена общества) под существующие формальные институты, чтобы сократить институциональный разрыв между правилами. Тем самым мы не выходим за рамки классической институциональной логики Норта, а уточняем её с точки зрения инструментов культурного дизайна.

Культурная трансформация как объект институционального проектирования

Если институциональная трансформация, основной объект которой — изменение формальных институтов, является широко описанным в литературе механизмом экономических реформ, то культурная трансформация на текущий момент мало исследована. Научному сообществу только предстоит определить теоретические рамки целенаправленного изменения ценностей и поведенческих установок, а также разработать практический инструментальный и эмпирическую обоснованность реформирования неформальных институтов.

Классификатор инструментов культурной трансформации

Мы предлагаем рассматривать инструменты культурной трансформации в матрице «канал — уровень», где существуют два основных канала трансмиссии норм (вертикальный и горизонтальный) и три уровня экономической деятельности: микро (домохозяйства и компании), мезо (сектора и регионы) и макро (страна). Графически выбор инструментов может быть представлен табл. 1.

Таблица 1

Классификация инструментов культурной трансформации

	Микроуровень	Мезоуровень	Макроуровень
Горизонтальная трансмиссия	Командные проекты; реер-review; клубы добросовестности; токены репутации; восстановительные практики внутри организаций	Городские лаборатории кооперации; отраслевые клубы комплаенса; платформы взаимного мониторинга; открытые тендеры	Публичные реестры обратной связи; гражданские аудиторы
Вертикальная трансмиссия	Родительские программы; кодексы поведения; обучение руководителей «педагогике доверия»; стандарты онбординга	Регуляторные «песочницы»; типовые положения и отраслевые стандарты; лицензирование с поведенческими KPI	Реформы образования; национальные стандарты открытости/комплаенса; архитектуры госуслуг

Источник: составлено автором.

Рассмотрим механизм трансмиссии норм на примере образования и воспитания.

Инструментарий изменения образования воздействует на общество через вертикальный канал трансмиссии культурных норм на макроуровне. Одним из инструментов может служить проектирование норм совместной деятельности в школах и университетах. Необходимо такое формирование образовательных программ, которое развивает навыки кооперации, нетерпимости к дискриминации, предпринимательского мышления и соблюдения институциональных процедур: дебаты, кейс-моделирование, командные capstone-проекты с оценкой по процессным критериям — соблюдение дедлайна, прозрачность реализации, выполнение договорённостей. Другим инструментом может служить педагогика доверия, где заключаются поведенческие контракты «студент–преподаватель». Они могут реализовываться в формате системы бесплатного повторного экзамена при добровольной явке («self-remediation») или реер-review заданий как способов формирования ожидания добросовестности и взаимного контроля.

Ключевым источником вертикальной трансмиссии норм выступает семья. Примером целенаправленного воздействия на изменение неформальных институтов могут служить программы родительства, доступные центры раннего развития, поддержка мужского участия в уходе (отцовские отпуска), которые корректируют межпоколенческую передачу установок об ответственности, труде и гендерных ролях.

Механизм выбора инструментов культурных изменений

Сформировав классификацию инструментов культурной трансформации, рассмотрим механизм выбора конкретного рычага влияния на ценности и поведенческие установки. Ключевая идея статьи — использовать плотность норм (строгость/допуск девиаций) как дизайнерский параметр институциональной среды. Это объясняется как теоретическими, так и эмпирическими свидетельствами влияния параметра на конечную

эффективность реформ. В сферах, требующих быстрой координации, важна бóльшая плотность, а в инновационных нишах — ослабление санкций и расширение интервала допустимого поведения. Предлагается разделять две предустановки плотности норм: легитимность и инновационность. В первом случае плотность норм должна быть высокой (видимые жёсткие санкции за неисполнение, чек-листы, лимит дискреции в поведении). Во втором случае, напротив, важно обеспечить мягкость санкций и институционализировать право на ошибку. Управление этим параметром осуществляется инструментами из предыдущего раздела.

Однако до сих пор остаётся открытым вопрос: какой инструмент культурной трансформации выбрать при определении канала и уровня изменений. Мы предлагаем четыре параметра, которые в наибольшей степени отражают институциональную структуру общества, в которой реализуются реформы:

1. Координационная структура

Ключевой параметр, от которого зависит эффективность изменений и выбор инструментария. Если имеет место социальная дилемма, то инструмент культурной трансформации должен обеспечивать дисциплину и взаимный мониторинг. В случае наличия асимметрии информации или риска произвола необходимы прозрачность и ограничения дискреции. Наконец, при запросе на нормы справедливости и доверия важны восстановительные практики и репутация.

2. Риски и внешние эффекты

Они напрямую влияют на эффективность реформ. В общем виде выбор инструментария зависит от степени риска: чем выше вероятность неэффективности культурной трансформации в силу социокультурного контекста, тем выше должна быть плотность норм (сильнее санкции и уже интервал допустимого поведения).

3. Зрелость и поляризации норм

Если в процессе изменений имплементируются незрелые и/или разнородные нормы, то требуется меньшая плотность. Эффективность реформ будет обеспечиваться за счёт увеличения коммуникаций о новых нормах, а также реализации песочниц на различных уровнях. В случае внедрения зрелых и/или однородных норм важна легитимность реформ, поэтому необходимо обеспечить стандартизацию и сформировать санкции за нарушение правил.

4. Носитель нормы

От этого параметра напрямую зависит выбор инструментария, так как классификация подразумевает микроуровень (индивидуальные установки), мезоуровень (организационные процедуры) и макроуровень (отраслевые правила).

Приведём несколько примеров выбора инструментов культурной трансформации на основе сформированной классификации и параметров. Если доминирует социальная дилемма (неплатежи, безбилетники), то требуется инструментарий горизонтальной трансмиссии норм на мезо/макроуровне. Необходима большая плотность норм через платформы взаимного мониторинга, персонализированный норм-наджинг, предсказуемые санкции. Если координационная проблема (проблемы в процедурах закупок/учёта), то проектирование должно осуществляться вертикальной трансмиссией на мезоуровне. Необходимо внедрение стандартов и чек-листов, публичность, ограничение дискреции. Если имеется низкое доверие к гаранту (судам/ведомствам), то новая норма должна передаваться через горизонтальную трансмиссию и мезо/макроуровень. Требуются общественные наблюдатели, прозрачные процессы, восстановительные практики, а также усиление репутационных стимулов через рейтинги открытости. Если нужна инновация и предприимчивость, следует ориентироваться на горизонтальную трансмиссию и микро/мезоуровень. Важна меньшая плотность норм, поэтому инструментами реформ будут командные проекты, песочницы с правом на ошибку и обратная связь вместо карательных санкций.

Наконец, в случае высоких рисков и/или внешних эффектов (нарушение ПДД, пищевая безопасность) проектирование эффективно через вертикальную трансмиссию на мезо/макроуровне. Максимально высокая плотность норм через повышение частоты и обеспечение наглядности санкций, внедрение стандартов обучения.

Важным компонентом проектирования культурной трансформации являются потенциальные сбои в нормах и отклонение ожидаемого результата от фактического. На базе институциональной теории и научных исследований в этой области мы рассматриваем пять основных ошибок, которые могут возникать. По каждой предлагаются механизмы диагностики потенциального сбоя, инструментарий для эффективной культурной трансформации и направление изменения целевого параметра дизайна (плотности реформ — табл. 2).

Таблица 2

Сбои в проектировании культурной трансформации

Сбой	Диагностика	Инструменты культурной трансформации	Целевая плотность
Оппортунизм	Высокая допустимость девиаций, низкое взаимное доверие	Норм-наджинг с локальными референс-группами, взаимный мониторинг, восстановительные санкции первой ошибки	Средняя → высокая
Произвольность решений	Разброс исходов при схожих кейсах	Стандарты, чек-листы, лимиты дискреции, публичность, апелляционные возможности	Средняя → высокая
Инновационный коллапс	Низкая вариативность, страх санкций	Инновационные песочницы, право на ошибку, мягкие санкции	Низкая → средняя
Низкое доверие к институтам	Нелегитимность санкций	Внешние гаранты, прозрачность, восстановительные практики, участие граждан	Средняя
Цинизм к общему делу	Низкие показатели доверия/участия	Образовательные модули кооперации, коллективные проекты, символическое вознаграждение/репутация	Средняя

Источник: составлено автором.

Таким образом, предлагается алгоритм выбора инструментов культурной трансформации:

1. Определить координационную структуру.
2. Оценить риск и внешние эффекты и задать целевую плотность норм.
3. Проверить зрелость/поляризацию норм (опросы и исследования).
4. Выбрать канал и уровень по предложенной классификации.
5. Собрать связку по таблице сбоев и добавить локальную коммуникацию норм.
6. Запустить норму и оценить результат.

C-NUDGE — метод проектирования культурной трансформации: теоретический базис и эмпирические возможности

Концепция норм-наджинга обладает большим потенциалом, поскольку позволяет сформировать набор инструментов проектирования культурных реформ через постепенное изменение неформальных институтов. Также в последние годы в научной литературе

довольно детально были проработаны ограничения подхода и вторичные эффекты, способные снижать эффективность культурных реформ [Bicchieri, Dimant, 2023].

В то же время продолжают отсутствовать прикладные исследования, так как сам принцип «подталкивания» к реформам трудно поддаётся проектированию и измерению. На мой взгляд, упущенным компонентом может стать параметр плотности норм, позволяющий управлять реформами и эмпирически оценивать их результаты.

Предлагается новаторский метод культурной трансформации, объединяющий калиброванный наджинг с управлением плотностью норм и дающий операционную рамку реформирования неформальных институтов. В общем виде предлагаем использовать аббревиатуру C-NUDGE (Cultural-Norms Upgrading & Design for Governance Effectiveness), название которого раскрывает основные цели метода: настройка дизайна культурных норм, способного повышать эффективность правительственных реформ.

В методологической основе подхода лежит идея об управлении плотностью норм. Во-первых, это даёт возможность проектировать культурные реформы и делать их управляемыми. Во-вторых, возникает возможность эмпирически измерить результат. В-третьих, метод обладает универсальностью, так как базируется на данных Всемирного обзора ценностей, регулярно собираемых по большинству стран мира. В отличие от классического наджинга (в основном рассматривающего индивидуальный выбор и формирующего дизайн реформ на микроуровне), C-NUDGE работает на уровне институтов и сети акторов, целенаправленно управляя плотностью и каналами трансмиссии норм.

Таким образом, C-NUDGE — это метод проектирования культурной трансформации, который:

- ▶ настраивает целевую плотность норм по подсистемам (τ^*);
- ▶ подбирает пакеты интервенций в нормы под тип координационной структуры и риск;
- ▶ измеряет культурные параметры;
- ▶ закрепляет успешные нормы через формальные институты.

Формализация методологии

Как было описано в предыдущем разделе, предлагается выделять две предположения плотности норм: легитимность L (цель — в принуждении к требуемому поведению через видимые санкции) и инновационность I (цель — приучение к новой норме благодаря институционализации права на ошибку).

Культурная трансформация может быть реализована на различных уровнях (микро, мезо, макро), которые определяется как подсистема общества (s). Ими могут выступать любые области общественного взаимодействия, которые подвержены реформам (налоги, образование, правила дорожного движения и т.д.).

Любая институциональная реформа имеет целью снижение транзакционных издержек C , что важно учесть в анализе.

В результате получаем следующую методологическую основу: необходимо задать для подсистемы s целевую плотность τ_s^* и минимизировать совокупные издержки $C(\tau_s)$ при ограничениях на инновационность $I(\tau_s) \geq I_{\min}$ и легитимность $L(\tau_s) \geq L_{\min}$.

$$\begin{aligned} & \min \sum_s (C\tau_s) \\ \text{s. t. } & I(\tau_s) \geq I_{\min}, \quad L(\tau_s) \geq L_{\min}, \quad \tau_s \in [0, 1]. \end{aligned} \quad (1)$$

На практике это означает увеличение плотности норм в подсистемах, где важна легитимность реформ, и уменьшение в инновационных нишах при заданных порогах инноваций и легитимности.

При этом для каждой подсистемы s необходимо определить целевое значение плотности норм, находящееся в диапазоне от 0 до 1: $\tau_s^* \in [0,1]$. Целевая плотность должна отвечать на вопрос, сколько принуждения нужно (насколько жёсткими должны быть санкции за нарушение правила), чтобы снизить издержки координации, не подавив при этом адаптацию и инновации.

Параметры для определения фактической и целевой плотности

Я стремлюсь к унификации результатов исследования и возможности проводить межстрановой анализ для проектирования и оценки результатов культурной трансформации. По этой причине предлагается использовать параметры Всемирного обзора ценностей. Выбраны показатели, которые напрямую влияют на поведение акторов в подсистемах и помогают калибровать плотность:

Общее доверие: «Большинству людей можно доверять»

Доверие снижает издержки контроля и поддерживает правила эффективными. Кроме того, существует множество исследований о взаимосвязи между доверием и экономическим развитием.

Оправданность нарушений

Это показатель напрямую влияет на допуск девиаций в обществе и является ключевым в плотности норм, так как отвечает на вопрос о балансе между легитимностью и инновационностью реформ.

Доверие к институтам

Если гарантам не доверяют, то жёсткие санкции воспринимаются как нелегитимные, что приводит к росту сопротивления реформам. Данный параметр необходимо учесть в модели, чтобы оценить, насколько санкции эффективны при изменении конкретной культурной нормы.

Готовность к гражданскому участию / членство в ассоциациях

Ответы респондентов демонстрируют потенциал к горизонтальной координации и механизмам взаимного мониторинга.

Эти параметры выделены на основе следующих критериев. Во-первых, они отражают поведенческую релевантность, так как связаны с кооперацией, а не абстрактными ценностями. Во-вторых, параметры обеспечивают сравнимость на межстрановом уровне, поскольку данные есть почти во всех странах/волнах Всемирного обзора ценностей, что позволяет исследователям формировать когорты по странам. В-третьих, они имеют прозрачную интерпретацию для тех, кто проектирует реформы.

В обобщённом виде можно сделать следующий вывод о целевой плотности с учётом выбранных параметров. Плотность выше там, где высока оправданность нарушений; высоки риски/внешние эффекты; доверие к гарантам достаточно высокое, чтобы санкции были легитимны. Плотность ниже там, где нужен эксперимент и/или обучение новой норме, особенно если уровень доверия низкий и требуется укреплять нормы через участие и институционализированное право на ошибку.

Таким образом, проведя нормирование определённых параметров из Всемирного обзора ценностей, можно сформировать *индекс плотности норм* для эмпирических исследований:

$$\hat{\tau}_s = w_1 \cdot (1 - JD) + w_2 \cdot IT + w_3 \cdot GT + w_4 \cdot CP, \quad (2)$$

где JD — допустимость нарушений (чем выше, тем ниже плотность); IT — доверие к институтам-гарантам; GT — общее доверие; CP — гражданское участие; $w_i \geq 0$, $\sum w_i = 1$.

Целевая плотность определяется по формуле:

$$\tau_s^* = f(\hat{\tau}_s, R_s, L_s), \quad (3)$$

где R_s — риск/внешние эффекты; L_s — порог легитимности санкций.

По каждой подсистеме, в которой реализуется реформа, необходимо задать весовую формулу (например, для правил дорожного движения должен быть больше вес допустимости нарушений и доверия к полиции; а для государственных закупок — доверие к судам, участие и допустимость нарушений). В результате получится целевое значение плотности норм для подсистемы и возможность сформировать набор инструментов реформ неформальных институтов.

Проектирование культурной трансформации на основе вышеизложенного можно свести к пяти последовательным шагам:

1. Рассчитать $\hat{\tau}_s$ по странам.
 2. Задать пороги R_s и L_s и установить τ_s^* (увеличить в подсистемах, где важна легитимность, и смягчить в инновационных).
 3. Сформировать список инструментов культурной трансформации из табл. 2.
 4. Реализовать изменения (по возможности — провести А/В-тесты для последующей корректировки весов).
 5. Институционализировать изменения через закрепление формальными правилами.
- Калибровка весов w_i может быть выполнена на эмпирических данных тремя возможными инструментами:

(а) Регрессионным — для выбранной подсистемы берётся целевой исход (например, доля конкурентных процедур в закупках по регионам), предикторы ($1-JD$), IT , GT , CP стандартизируются, оценивается модель вида:

$$Y = \alpha + \beta_{JD}(1 - JD) + \beta_{IT}IT + \beta_{GT}GT + \beta_{CP}CP + \varepsilon, \quad (4)$$

после чего веса задаются как нормированные модули стандартизованных коэффициентов:

$$w_k = \frac{|\beta_k|}{\sum |\beta_j|}. \quad (5)$$

(б) Факторным анализом — переменные из Всемирного обзора ценностей группируются в латентные факторы «строгость», «доверие к гарантам», «горизонтальное доверие», «участие», и веса берутся пропорционально вкладу фактора в дисперсию;

(с) Экспертным — для новых подсистем (без данных) веса задаются через парные сравнения с участием отраслевых экспертов.

Комбинация этих процедур позволяет сделать индекс сопоставимым по странам и подсистемам и избежать произвольного выбора весов w_i .

Профиль плотности норм и рычаги управления

Для управления культурной трансформацией необходимо иметь возможность сравнивать страны. С целью унификации предлагаю определить профиль плотности норм для каждой из них. Обеспечить разнообразие профиля можно за счёт выбора такого набора подсистем, который позволяет включить в анализ принципиально разные показатели плотности норм. Я выделяю пять таких подсистем:

- образование — ключевой канал трансмиссии норм, в котором сосредоточено большинство инструментов культурной трансформации;
- инновационные песочницы — обеспечивают анализ на микроуровне и помогают достигать экономического роста через развитие технологий;
- налоги (МСП) — макропараметр, раскрывающий институциональные особенности страны с точки зрения эффективности формальных институтов;
- закупки — выявляют уровень доверия и позволяют корректировать нормы через инструменты культурной трансформации;
- правила дорожного движения — демонстрируют эффективность санкций и выступают ключевой подсистемой доминирования легитимности над инновационностью.

Описанные выше подсистемы были выбраны по трём ключевым причинам. Во-первых, они отражают различный риск и внешние эффекты как важный компонент проектирования целевой плотности норм (высокая плотность для ПДД, высокая инновационность для песочниц). Во-вторых, представляют разные каналы и уровни: налоги и закупки — вертикальные процедуры на макро- и мезоуровнях; образование — вертикальная трансмиссия ценностей от микро- к макроуровню; инновационные песочницы — горизонтальная трансмиссия норм на мезоуровне. Наконец, достигается политическая релевантность и измеримость, поскольку по выделенным подсистемам имеется параметр оценки результата (своевременная уплата налогов, доля конкурентных процедур в закупках, количество ДТП на тысячу транспортных средств, конверсия стартапов в успешные компании, и т.д.). Это позволяет сформировать точные рычаги управления плотностью норм.

Далее я выделяю шесть основных рычагов, которые позволяют увеличивать/снижать плотность норм с примерами их применения в зависимости от целей, стоящих перед авторами реформ, а также потенциальными рисками вторичных эффектов (табл. 3).

Таблица 3

Рычаги управления плотностью норм

Рычаг	Как влияет на «плотность»	Когда применять	Риски
Ясность норм (стандарты, чек-листы, кейс-буки)	↑ плотность: сужает допустимый разброс	Безопасность, процедурный комплаенс	Формализм, «игра по чек-листу»
Видимость/неотвратимость санкций	↑ плотность: дисциплинирует отклонения	Повторяющиеся нарушения, ПДД, промышленная безопасность	Уход в тень
Восстановительные практики	↓ карательность при сохранении нормы	Первая ошибка, МСП-комплаенс	Недооценка тяжёлых нарушений
Лимиты дискреции	Управляет вариативностью решений	Контроль/надзор, закупки	Бюрократизация, задержки
Прозрачность и взаимный мониторинг	Снижает анонимность девиаций	Закупки, распределение ресурсов	Публичное осуждение
«Песочницы» и пилоты	Локальное ↓ плотности для тестов	Инновации, регуляторные эксперименты	Репутационные риски при сбоях

Источник: составлено автором.

Целевая плотность норм

В обобщённом виде управление плотностью норм можно представить через два показателя: фактическую плотность норм и целевую — состояние, к которому должна прийти подсистема после реформирования неформальных институтов. Даются следующие определения:

Фактическая плотность τ_s — диагностический индекс для подсистемы s в интервале $[0; 1]$: чем выше, тем сильнее нормы и уже допуск девиаций.

Целевая плотность τ_s^* — требуемый уровень плотности для достижения управленческой цели (комплаенс, конкуренция, безопасность, инновации) с учётом рисков и легитимности.

Целевая плотность определяется локально в тех подсистемах, где это позволяет повысить целевые исходы без утраты легитимности и без подавления инициативы. Я предлагаю следующий алгоритм определения целевой плотности:

1. Определить исход успеха для подсистемы (доля своевременной уплаты налогов, доля конкурентных процедур, показатель смертности от ПДД, и т.д.).

2. Эмпирически найти «рабочую зону» — диапазон плотности норм, где малые изменения τ дают устойчивый прирост целевого исхода, не уменьшая легитимность и не повышая риски.

3. Проверить легитимность: удостовериться, что доверие к санкциям/процедурам не падает при ужесточении. В противном случае необходимо снизить цель или добавить восстановительные механизмы (право на первую ошибку, апелляции).

4. Учесть политический режим: в условиях низкой легитимности пороги целевой плотности норм сдвигаются вверх по требованиям к справедливости и используются ограниченно.

Также считаю необходимым наметить эмпирические исследования, нужны для практической имплементации описанного метода. Прежде всего, требуется определить веса для расчёта фактической плотности норм. Отправной точкой должен стать выбор подсистем и предикторов (я предложил свои в предыдущих разделах статьи), которые предполагается стандартизировать и определить модули весов через линейную модель по странам на основе Всемирного обзора ценностей. Также необходимо сформировать пороги целевой плотности норм, которые позволят интерпретировать результаты и управлять показателем.

Это позволит перейти от теоретической к практической пользе метода C-NUDGE и имплементировать культурную трансформацию в институциональную теорию.

Этические и политические ограничения C-NUDGE

Предлагаемый подход к культурной трансформации через инструменты C-NUDGE изначально нацелен на выравнивание неформальных норм с целями институциональных реформ. Однако сам по себе факт, что государство (или любой другой актор, обладающий ресурсами коммуникации и санкций) может проектировать нормы, порождает отдельный класс рисков. Эти риски усиливаются в условиях, которые для модели особенно характерны: низкое доверие к институтам, асимметрия информации между дизайнером реформ и обществом, а также возможность вертикального навязывания «правильного» поведения через ценности и поведенческие установки. Поэтому этическая рамка должна быть не факультативным, а обязательным условием методологии — наравне с диагностикой и калибровкой плотности. Ниже фиксируем ключевые ограничения и способы их минимизации.

Риск подмены публично согласованных целей скрытым патернализмом

Поведенческие и нормативные интервенции тем и сильны, что они работают по умолчанию и часто не требуют от индивида дополнительных усилий, как описывали Талер и Санстейн в концепции «либертарианского патернализма» [Thaler, Sunstein, 2009]. Но в ситуации слабой подотчётности тот же механизм позволяет внедрять не согласованные с обществом цели под видом повышения дисциплины или борьбы с оппортунизмом. Поэтому любая C-NUDGE-интервенция должна сопровождаться явным объявлением цели (какая именно норма усиливается и зачем) и публикацией используемых каналов. Отсутствие прозрачности в этом случае — маркер некорректного применения метода.

Риск усиления авторитарных практик

Одни и те же инструменты (норм-сообщения, повышение видимости санкций, ограничение дискреции поведения) можно встроить и в демократический, и в недемократический контекст. Следовательно, без дополнительных ограничителей C-NUDGE может быть

использован как технология более тонкого контроля: через социальное сравнение, «норму большинства» или инфраструктурные дефолты. Это особенно чувствительно в подсистемах с высокой целевой плотностью (ПДД, налоги, контроль качества). Чтобы снизить этот риск, в дизайне необходимо учитывать принцип обратимости и внешний аудит: если после истечения периода действия меры не подтверждено улучшение исходов и не показано отсутствие непропорциональных издержек, мера должна автоматически прекращаться. Такая логика «обратимой плотности» прямо следует из более поздних работ по социальным нормам, где подчёркивается необходимость учитывать контекст и динамику норм, а не только их силу [Bicchieri, 2016; Bicchieri, Dimant, 2023].

Риск снижения автономии и выравнивания стратегии поведения

Культурный дизайн, нацеленный на повышение нормативной плотности, почти всегда работает против девиации. Но часть девиаций экономически продуктивна: инновации, предпринимательство, локальные эксперименты. Если не определить подсистемы, где допустима слабость норм, появится эффект сжатия пространства выбора. Поэтому в рамках C-NUDGE важно явно маркировать зоны, где норма может и должна быть слабее, а также встраивать восстановительные практики (право на первую ошибку, амнистия при добровольном исполнении). Это соответствует логике дифференциации норм у Гельфанда: чрезмерная «теснота» в нерискованных подсистемах порождает сопротивление и уход в тень [Gelfand et al., 2011; Gelfand, 2018].

Проблема легитимности дизайнера культурных реформ

Ещё один потенциальный риск в определении актора, который решает, что именно эта конкретная норма должна стать преобладающей. В классическом институциональном подходе (в том числе у Норта) акцент делается на эволюционности и согласованности формальных и неформальных ограничений. Предлагаемый подход тоже опирается на это: субъектом определения нормы не может быть только ведомство или узкая экспертная группа. Минимальным требованием здесь является инклюзивность и трассируемость: публичная консультация/обсуждение с целевыми группами; публикация метрик, по которым корректируется уровень плотности; возможность апелляции и пересмотра санкций. При отсутствии этих слоёв применение C-NUDGE в условиях низкого доверия будет восприниматься как дополнительное давление и, как показывают поведенческие исследования по нормам, способно дать обратный эффект — демобилизацию общества и цинизм [Schultz et al., 2007].

Необходимость доступа к данным

Поскольку C-NUDGE опирается на наблюдение и A/B-изменение сообщений, возникает вопрос: какие именно данные собираются, как долго хранятся и кто может это увидеть. Этический вариант — вести публичные журналы интервенций и предоставлять исследовательским и общественным структурам доступ к агрегированным данным. Это снижает асимметрию информации и делает поведенческие воздействия наблюдаемыми, то есть подлежащими критике.

Контекст низкого доверия как фактор усиления рисков

В странах и секторах, где индекс плотности норм показывает низкие значения IT и GT, любые попытки изменить нормы сверху будут интерпретироваться как манипуляция. Здесь этическая калибровка должна быть особенно жёсткой: сначала — меры по восстановлению процессуальной справедливости (прозрачные апелляции, сокращение дискреции, объяснительные кампании) и только потом — норм-наджинг. Иными словами, уровень допустимой плотности должен быть функцией от легитимности: чем ниже доверие к гаранту, тем более мягкими и обратимыми должны быть интервенции.

Формула этического применения

С учётом вышеописанных рисков необходима проработка конкретной формулы этического использования метода C-NUDGE. В практическом виде это можно сформулировать так:

- ▶ цель и предполагаемая норма публично описаны;
- ▶ есть механизм отказа/апелляции для затронутых групп;
- ▶ жёсткие меры имеют срок действия и условие продления;
- ▶ промежуточные данные открыты;
- ▶ есть внешние наблюдатели.

При соблюдении этих пяти условий C-NUDGE выступает как инструмент согласования формальных и неформальных институтов. При нарушении — как инструмент манипулирования. Однако требуются отдельные исследования для определения исчерпывающего перечня маркеров.

Отдельно отмечу, что сильной стороной C-NUDGE является то, что он изначально спроектирован как модульный метод: есть возможность в каждый модуль (диагностика, выбор канала, выбор уровня) встроить этические предохранители.

Заключение

Культурная трансформация — недостающий компонент в теории институциональных реформ. Рассматривая нормы как объект целенаправленного проектирования и управляя параметром плотности, можно уменьшить разрыв между формальными институтами и фактическими практиками. Предложенный метод C-NUDGE, разработанный на основе набора инструментов реформирования неформальных норм и методологии институционального дизайна, позволяет добавить культурную трансформацию в качестве инструмента изменения ценностей и поведенческих установок для повышения эффективности работы формальных институтов.

Дальнейшие исследования, на мой взгляд, должны быть направлены на верификацию индекса плотности норм и списка подсистем, разработку этических стандартов культурного дизайна, а также межстрановые квазиэксперименты с песочницами норм и цифровыми платформами коллективного действия.

Дополнительным направлением дальнейших исследований является построение межстрановых регрессионных и машинных моделей для автоматической калибровки весов w_i , что позволит перейти от экспертных оценок к полностью воспроизводимым индексам.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А., Никишина Е. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика влияет на культуру*: Курс лекций. — М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Капульцевич И.К. (2024). Культурная трансформация: институциональный фактор экономического развития // *Научные исследования экономического факультета*. Т. 16. № 3. С. 7–20. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-3-7-20.
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
- Andrighetto G., Gelfand M., Mace R., Gavrillets S. (2024). Social norm change: drivers and consequences // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Vol. 379. No. 1908. 0230023. DOI:10.1098/rstb.2023.0023.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2011). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. — New York: PublicAffairs.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times*. — New York: PublicAffairs.
- Bicchieri C. (2016). *Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure, and Change Social Norms*. — Oxford: Oxford University Press.
- Bicchieri C., Dimant E. (2023). Measuring and Changing Social Norms // *SSRN Working Paper*.

- Bisin A., Verdier T. (2000). Beyond the melting pot: cultural transmission, marriage, and the evolution of ethnic and religious traits // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. No. 3. Pp. 955–988. DOI: 10.1162/003355300554953.
- Broto V.C., Bulkeley H. (2013). A survey of urban climate change experiments in 100 cities // *Global Environmental Change*. Vol. 23. No. 1. P. 92–102. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2012.07.005.
- Cialdini R.B., Kallgren C.A., Reno R.R. (1990). A Focus Theory of Normative Conduct // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 24. Pp. 201–234.
- Dimant E. (2023). Beyond average: A method for measuring the tightness, looseness, and polarization of social norms // *Economics Letters*. Vol. 233. Article 111417. DOI: 10.1016/j.econlet.2023.111417.
- Evans P. (2002). Collective capabilities, culture, and Amartya Sen's Development as Freedom // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. No. 2. Pp. 54–60. DOI: 10.1007/BF02686261.
- Gelfand M.J., Raver J.L., Nishii L. et al. (2011). Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // *Science*. Vol. 332. No. 6033. Pp. 1100–1104. DOI: 10.1126/science.1197754.
- Gelfand M.J. (2018). *Rule Makers, Rule Breakers: How Tight and Loose Cultures Wire Our World*. — New York: Scribner.
- Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N., Cook J. (2022). Interventions Based on Social Norms: A review // *Perspectives on Psychological Science*. DOI: 10.1177/15291006221114132.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton: Princeton University Press.
- Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. — Princeton: Princeton University Press.
- Papakonstantinou T., Flecke S.L., Edmunds C.E.R., Cross R., Tran A., Gold N. (2025). A systematic review and meta-analysis of the effectiveness of social norms messaging approaches for improving health behaviours in developed countries // *Nature Human Behaviour*. DOI: 10.1038/s41562-025-02275-6.
- Schultz P.W., Nolan J.M., Cialdini R.B., Goldstein N.J., Grisevicius V. (2007). The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms // *Psychological Science*. Vol. 18. No. 5. Pp. 429–434. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x.
- Sparkman G., Walton G.M. (2017). Dynamic norms promote sustained behavior change // *Psychological Science*. Vol. 28. No. 11. Pp. 1663–1674. DOI: 10.1177/0956797617719950.
- Sun S., Zhang H. (2023). Development of the Cultural Tightness–Looseness Scale // *Frontiers in Psychology*. DOI: 10.2147/PRBM.S402850.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2009). *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. — Penguin.
- World Values Survey. Wave 7 (2017–2022). (2022): Documentation & codebook. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed date: 09.10.2025).

REFERENCES

- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
- Andrighetto G., Gelfand M., Mace R., Gavrillets S. (2024). Social norm change: drivers and consequences // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Vol. 379. No. 1908. 0230023. DOI:10.1098/rstb.2023.0023.
- Auzan A., Nikishina E. (2021). *Sociocultural economics: how culture influences the economy, and the economy influences culture: a course of lectures*. — M.: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Banerjee A.V., Duflo E. (2011). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. — New York: PublicAffairs.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times*. — New York: PublicAffairs.
- Bicchieri C. (2016). *Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure, and Change Social Norms*. — Oxford: Oxford University Press.
- Bicchieri C., Dimant E. (2023). Measuring and Changing Social Norms // *SSRN Working Paper*.
- Bisin A., Verdier T. (2000). Beyond the melting pot: cultural transmission, marriage, and the evolution of ethnic and religious traits // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. No. 3. Pp. 955–988. DOI: 10.1162/003355300554953.
- Broto V.C., Bulkeley H. (2013). A survey of urban climate change experiments in 100 cities // *Global Environmental Change*. Vol. 23. No. 1. Pp. 92–102. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2012.07.005.
- Cialdini R.B., Kallgren C.A., Reno R.R. (1990). A Focus Theory of Normative Conduct // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 24. Pp. 201–234.
- Dimant E. (2023). Beyond average: A method for measuring the tightness, looseness, and polarization of social norms // *Economics Letters*. Vol. 233. Article 111417. DOI: 10.1016/j.econlet.2023.111417.
- Dinesen P.T., Schaeffer M., Sønderskov K.M. (2020). Ethnic diversity and social trust // *Annual Review of Political Science*. Vol. 23. Pp. 441–465. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052918-020708.
- Evans P. (2002). Collective capabilities, culture, and Amartya Sen's Development as Freedom // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. No. 2. Pp. 54–60. DOI: 10.1007/BF02686261.

- Gelfand M.J., Raver J.L., Nishii L. et al. (2011). Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // *Science*. Vol. 332. No. 6033. Pp. 1100–1104. DOI: 10.1126/science.1197754.
- Gelfand M.J. (2018). *Rule Makers, Rule Breakers: How Tight and Loose Cultures Wire Our World*. — New York: Scribner.
- Kapultsevich I. (2024). Cultural transformation: an institutional factor of economic development // *Scientific research of the Faculty of Economics*. Vol. 16. No. 3. 2024. P. 7–20. (In Russ.). DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-3-7-20. (In Russ.).
- Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N., Cook J. (2022). Interventions Based on Social Norms: A review // *Perspectives on Psychological Science*. DOI: 10.1177/15291006221114132.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton: Princeton University Press.
- Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. — Princeton: Princeton University Press.
- Papakonstantinou T., Flecke S.L., Edmunds C.E.R., Cross R., Tran A., Gold N. (2025). A systematic review and meta-analysis of the effectiveness of social norms messaging approaches for improving health behaviours in developed countries // *Nature Human Behaviour*. DOI: 10.1038/s41562-025-02275-6.
- Schultz P.W., Nolan J.M., Cialdini R.B., Goldstein N.J., Griskevicius V. (2007). The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms // *Psychological Science*. Vol. 18. No. 5. Pp. 429–434. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x.
- Sparkman G., Walton G.M. (2017). Dynamic norms promote sustained behavior change // *Psychological Science*. Vol. 28. No. 11. Pp. 1663–1674. DOI: 10.1177/0956797617719950.
- Sun S., Zhang H. (2023). Development of the Cultural Tightness–Looseness Scale // *Frontiers in Psychology*. DOI: 10.2147/PRBM.S402850.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. (2009). *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. — Penguin.
- World Values Survey. Wave 7 (2017–2022). (2022): Documentation & codebook. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed date: 09.10.2025).

Капульцевич Илья Константинович

ilya.k.kapultsevich@gmail.com

Ilya Kapultsevich

Postgraduate student at Lomonosov Moscow State University

ilya.k.kapultsevich@gmail.com

TRANSFORMATION AS AN OBJECT OF INSTITUTIONAL DESIGN: THEORETICAL FOUNDATIONS AND EMPIRICAL POSSIBILITIES OF C-NUDGE MODELING

Abstract. This article examines the role of culture in economic development from the perspective of institutional economics, which defines culture as a set of values and behavioral attitudes, with any member of society acting as a guarantor. Including culture as an informal institution allows for its organic inclusion as a component of institutional reforms, where informal rules are subject to change. Analyzing the latest theoretical and empirical work in this area, the authors operationalize cultural transformation as an independent tool for institutional design. Two main directions of cultural reforms are described: reducing transaction costs, improving coordination, and increasing the effectiveness of formal rules. The article draws on works devoted to norm-nudging and analyzing the impact of norm density on reform outcomes. Drawing on institutional theory and interdisciplinary research on norms and values, a set of cultural transformation tools is developed, along with a proposed classification and selection mechanism based on norm transmission channels and levels of social interaction. Potential failures in the design of cultural reforms are separately considered, and mechanisms for their prevention are proposed. An innovative method for gradually changing values and behavioral attitudes is proposed, based on norm density as a design parameter for cultural design. The authors not only formulate the theoretical framework for the approach but also develop a methodological foundation for empirically assessing the results of norm reform. The selection of subsystems for cultural change and norm density parameters are substantiated. The article develops a norm density index as a key parameter for cultural design methodology. Particular attention is paid to the risks and potential limitations, as well as the practical potential of C-NUDGE modeling. The results are relevant to reform designers, civil servants, and researchers in sociocultural economics.

Keywords: *institutional reforms; cultural transformation; informal institutions; social norms; norm density index; norm nudging; C-NUDGE.*

JEL: B25, E02, E71, Z10.